

УДК 323

**Государственная национальная политика
в моноэтническом регионе: модель
взаимодействия с этническими меньшинствами
(на примере Архангельской области)¹**

Максимов Антон Михайлович

Кандидат политических наук, доцент,
кафедра гуманитарных и социальных дисциплин,
Институт управления (г. Архангельск),
163060, Российская Федерация, Архангельск, ул. Урицкого, 43;
e-mail: amm15nov@yandex.ru

Аннотация

В статье отражены результаты исследования субъектов, форм и функций институализированного взаимодействия по вопросам регулирования межнациональных отношений на региональном уровне. В качестве поля эмпирического исследования была выбрана Архангельская область как типичный моноэтнический регион с абсолютным преобладанием русского населения. В статье показана социально-политическая роль этнических меньшинств области в контексте реализации системных мер государственной национальной политики. Рассматриваются различные формы государственной поддержки национально-культурных автономий и землячеств, способствующие воспроизводству этнокультурного разнообразия в регионе. Выявлены основные каналы коммуникации представите-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Архангельской области (конкурс «Молодые ученые Поморья») в рамках научного проекта № 03-2015-02а «Связи с общественностью в системе государственного управления межэтническими отношениями: региональное измерение».

лей региональной власти и этнических сообществ: участие последних в совещательных и консультативных органах, личные встречи с областным руководством, культурно-массовые мероприятия как площадка для многостороннего публичного диалога. Автор приходит к выводу, что благодаря этому формируются сети отношений между частью политической элиты региона и наиболее активной частью этнических меньшинств, как правило, обладающей значительными экономическими ресурсами и социальным капиталом. При этом те этнические группы, которые не имеют организационных структур или явных лидеров, оказываются фактически исключены из процессов коммуникации и сотрудничества с региональной властью.

Для цитирования в научных исследованиях

Максимов А.М. Государственная национальная политика в моноэтническом регионе: модель взаимодействия с этническими меньшинствами (на примере Архангельской области) // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 153-171.

Ключевые слова

Национальная политика, этнические меньшинства, диаспора, региональные органы государственной власти, моноэтнический регион.

Введение

Проблемы гармонизации межнациональных отношений находятся в фокусе интересов российских исследователей с того самого времени, когда под влиянием либерализации советской политической системы в годы «перестройки» этническая тематика была возвращена в публичный дискурс. Активизация исследований в этом направлении была вызвана не только чередой острых межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве, но и трансформацией российской модели федерализма. Этот процесс сопровождался серьезными трудностями в урегулировании отношений федерального центра и «национальных» субъектов Федерации. Как указывает академик В.А. Тишков, сепар-

ратистские или крайне националистические настроения среди региональных элит демонстрировались не только в случае с Чеченской Республикой, но имели место также в Татарстане, Калмыкии, Тыве, Бурятии и некоторых других регионах [Красовицкая, Тишков, 2012, 423]. В результате проводимых в начале 1990-х годов этносоциальных исследований и сопутствовавших им политических дискуссий указом Президента РФ № 909 от 15 июня 1996 года была утверждена Концепция государственной национальной политики Российской Федерации.

В дальнейшем на протяжении второй половины 1990-х и в 2000-е годы свою активность развивала плеяда видных отечественных исследователей (Р.Г. Абдулатипов, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, В.С. Малахов, В.А. Тишков и др.), определивших состояние прикладных исследований в постсоветской этнологии. Их научные изыскания в общем и целом продемонстрировали рецепцию российским академическим сообществом ключевых идей конструктивистского подхода к интерпретации феномена этничности. Среди пионеров конструктивизма в этнологии такие знаковые фигуры, как Б. Андерсон, Ф. Барт, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум. В их классических работах 1970-1980-х годов были выдвинуты принципы новой методологии исследования этносов, обозначившие разрыв с примордиализмом – академической традицией, доминировавшей в этнографии и этнологии конца XIX – первой половины XX веков. Среди этих принципов:

– подчеркивание первостепенной важности этнической самоидентификации индивидов для конституирования этнических границ вместо определения этнической группы как совокупности индивидов, объединенных набором устойчивых культурных и поведенческих признаков [Барт, 2006, 11-19];

– интерпретация этноса как «воображаемого» сообщества (*imagined community*), которое, несмотря на невозможность регулярной коммуникации каждого отдельного его члена со всеми остальными, intersубъективно воспринимается как реально существующее [Андерсон, 2001, 30-32];

– постулирование культуртрегерской роли политической и интеллектуальной элит в деле так называемого «нациестроительства» [Геллнер, 1991, 126-127].

Последняя идея представляется весьма важной с точки зрения концептуальных основ национальной политики любого современного государства даже в том случае, если она явным образом не артикулируется правящей элитой в публичном политическом дискурсе.

Стратегия государственной национальной политики и этносоциальный контекст ее реализации (на примере Архангельской области)

В 1990-е годы установка на целенаправленное формирование российской гражданской нации при сохранении этнокультурного разнообразия виделась как одна из немногих эффективных стратегий сохранения политического единства Российской Федерации [Тишков, 1996, 31-36]. В настоящее время, несмотря на критику конструктивистских идей со стороны части научного сообщества [Брубейкер, 2012, 42-43], их влияние в России отчетливо выражено не только в академических, но и в политических кругах. Об этом наглядно свидетельствует содержание Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и федеральной целевой программы (далее – ФЦП) «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)».

В частности, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года декларируется существование единого культурного (цивилизационного) кода, основанного «на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России», и предлагается создать предпосылки «для формирования общероссийского гражданского самосознания на основе общей судьбы народов России». В свою очередь, вышеуказанная ФЦП уже в своем названии содержит указание на то, что интеграция различных этнокультурных сообществ, с которыми себя идентифицируют граждане России, в единую политико-культурную общность под названием «российская нация» занимает важнейшее место среди приоритетов национальной политики в РФ. В содержании этой программы прямо указывается на остроту таких проблем как «слабое общероссийское гражданское

самосознание (общероссийская гражданская идентичность) при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации».

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года содержит перечень факторов, негативно влияющих на межэтнические отношения в стране. Непосредственное воздействие на этносоциальные процессы оказывают:

- 1) высокий уровень имущественного неравенства граждан, а также экономического неравенства регионов;
- 2) размывание традиционных нравственных ценностей народов России;
- 3) наличие фактов дискриминации по признаку этнической принадлежности в правоприменительной практике;
- 4) недостаточность просветительских мер по формированию российской гражданской идентичности, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций народов России;
- 5) распространенность негативных стереотипов в отношении отдельных национальных меньшинств;
- 6) трудности в управлении миграционными процессами, интеграцией и адаптацией иммигрантов.

Общероссийские опросы общественного мнения в целом подтверждают оценку ситуации в сфере межнациональных отношений, содержащуюся в тексте Стратегии. Так, по данным ВЦИОМ на 2013 год, почти половина населения страны выразила обеспокоенность ростом межэтнической напряженности [Межнациональные отношения..., 2014, www], а отношение к иммигрантам большинства российских граждан оставалось весьма негативным [Иммиграция в Россию..., 2013, www].

В этих условиях обеспечение межнационального мира и согласия в числе прочего предполагает совершенствование взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества. Не является случайным и то, что в указанной ранее ФЦП подчеркивается необходимость стимулирования общественных инициатив и поддержки некоммерческих организаций в сфере межнациональных отношений и патриотического воспитания. Это вплотную подводит нас к вопросу об эффективно-

сти публичной коммуникации властных структур с национально-культурными автономиями, землячествами, религиозными объединениями, просветительскими и правозащитными НКО.

Разумеется, выстраивание отношений между властными структурами и организациями, представляющими интересы различных диаспор и этнических меньшинств (или как минимум закрепившими за собой право публично выступать от их имени), требует учета дифференциации субъектов РФ по ряду параметров, описывающих конфигурацию межэтнических отношений. Можно согласиться с тем, что наиболее значимыми из этих параметров являются этнический состав населения региона, интенсивность потоков внешней миграции и этнокультурные характеристики иммигрантов, а также экономические ресурсы и политический статус лидеров диаспор и землячеств [Мазурина, 2008, 11-12; Файзуллин, 2012, 18; Чарина, 2012, 8].

Рассмотрим региональную специфику межэтнических отношений на примере Архангельской области. Согласно данным переписи 2010 года, русские составляют 95,6% от общей численности населения Архангельской области. При этом самое многочисленное этническое меньшинство – украинцы – составляет всего 1,4%, а все остальные сколько-нибудь заметные меньшинства (белорусы, азербайджанцы, татары, армяне, чуваша, ненцы и др.) – менее 1% населения каждое [Всероссийская перепись..., 2010, т. 4, www]. Таким образом, Архангельская область может быть охарактеризована как моноэтнический регион. Масштабы внешней миграции в области таковы, что не меняют общей этнической картины. По данным УФМС по Архангельской области, в 2014 году на миграционный учет было поставлено 27 751 человек, из которых 11 680 человек (43,9%) прибыли с целью осуществления трудовой деятельности (или продлили с этой целью срок пребывания в области) в основном из Украины (2930), Азербайджана (2727), Узбекистана (2692), Таджикистана (1330). Остальные прибыли с частными целями, по служебной или деловой необходимости, в качестве туристов и обучающихся [Доклад о результатах и основных направлениях деятельности УФМС России ..., 2015, www]. В общей сложности доля иностранных мигрантов в 2015 году составила чуть менее 2,3% от числа лиц, постоянно проживающих на территории Архангельской области.

Указанные факторы, вероятно, обусловили относительно благоприятную ситуацию в сфере межэтнических отношений, в особенности в том, что касается проявления толерантности этнического большинства к меньшинствам и принимающего сообщества к иммигрантам. Подтверждением этого служат результаты проведенного в июле-августе 2015 года по заказу Правительства Архангельской области социологического опроса (репрезентативная выборка в 1050 человек)². Согласно данным опроса, спокойное, терпимое отношение к представителям других народов выражают 59,4% респондентов, а еще 31,2% характеризуют его как положительное и дружелюбное. К трудовым мигрантам большая часть населения склонна проявлять толерантное либо безразличное отношение (45,2% и 30,3% соответственно). При этом доля респондентов, среди знакомых которых есть представители других (нерусских) народов, составила 45,5%, а тех, кто ответил отрицательно на этот вопрос, – 44,4%. Это свидетельствует о том, что вне зависимости от наличия или отсутствия опыта непосредственного общения с представителями этнических меньшинств толерантное отношение к ним в целом не меняется.

Таким образом, конфликтогенность в Архангельской области в настоящее время остается на низком уровне в силу объективных причин. Однако это не отрицает необходимости проведения системных мероприятий, направленных на профилактику межэтнической напряженности в регионе. Печально известный прецедент массовых беспорядков в карельском городе Кондопога (2006 год) показал, что даже в практически однородных по этническому составу субъектах РФ³ при определенных условиях, связанных с экономическими позициями некоренных этнических общин и особым характером их отношений с местным административно-управленческим аппаратом, возможны острые межнациональные конфликты.

2 Речь идёт об аналитическом отчете по результатам социологического исследования «Оценка населением межнациональных, межконфессиональных отношений и миграционных процессов в Архангельской области», проведенного Государственным автономным учреждением Архангельской области «Центр изучения общественного мнения» (Архангельск, 2015).

3 Если не учитывать карелов – малочисленный коренной народ, составляющий менее 7,5% населения Республики Карелия, подавляющее число жителей региона – русские.

Экспертная оценка системы взаимодействия региональных органов государственной власти с этническими объединениями

С целью описания качественных характеристик взаимодействия между представителями региональной власти и этнических меньшинств в Архангельской области автором в период с конца июля по начало сентября 2015 года был проведен экспертный опрос методом неформализованного глубокого интервью. В ходе опроса решались следующие исследовательские задачи:

1) выявить наиболее актуальные потребности, имеющиеся у этнических меньшинств, проживающих на территории Архангельской области, удовлетворение которых возможно через системное взаимодействие с региональными органами государственной власти;

2) определить круг задач национальной политики, решению которых в большой степени способствует привлечение органами власти к совместной работе представителей диаспор, землячеств, национально-культурных автономий и иных общественных объединений;

3) выявить наиболее востребованные форматы взаимодействия между органами власти Архангельской области и представителями этнических меньшинств, а также наиболее эффективные «площадки» для публичной коммуникации между ними.

В опросе приняло участие 15 экспертов: восемь из них – руководители (представители) национально-культурных автономий, землячеств, диаспор; трое – представители НКО, занимающихся просветительской работой с населением по вопросам этнокультурного разнообразия, защитой прав лиц из числа этнических меньшинств; двое – государственные гражданские служащие, непосредственно участвующие в реализации мер региональной национальной политики; двое – представители академического (научного) сообщества, занимающиеся проблемами межнациональных и межконфессиональных отношений, миграции, межкультурной коммуникации.

В результате удалось выявить основные потребности этнических меньшинств, побуждающие их представителей регулярно участвовать в коммуникации с областными органами власти. Также были выявлены наиболее су-

ществленные, с точки зрения экспертов, формы государственной поддержки, отвечающие этим потребностям. Итоговые данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные формы государственной поддержки этнических объединений в Архангельской области

Потребности этнических объединений	Формы государственной поддержки	Доля экспертов, указавших соответствующий вариант
Финансовая помощь для реализации культурных и социально ориентированных проектов	Гранты, предоставляемые на конкурсной основе	73%
Материально-техническое обеспечение текущей деятельности	Предоставление помещений, технического оборудования	53%
Организационная помощь	Участие сотрудников государственных органов и подведомственных учреждений в организации и проведении мероприятий	40%
Освещение деятельности в СМИ	Содействие размещения материалов в прессе, по ТВ, на сайтах Правительства области и информагентств	60%
Правовые консультации, информирование	Распространение тематических информационных материалов, юридическая помощь	33%

Таким образом, круг задач, решаемых общественными активистами в интересах «своих» этнических групп посредством разнообразных форм государственной поддержки, весьма обширен. Вместе с тем респонденты, представляющие этнические меньшинства, указывают на сложности удовлетворения некоторых культурных потребностей, необходимых им для поддержания своей этнической идентичности. Прежде всего это касается сохранения своей языковой среды и отправления религиозных обрядов (в случае народов, исповедующих что-либо отличное от православного христианства). Однако следует отметить, что респонденты в меньшей степени склонны связывать эти сложности с отсутствием содействия со стороны власти. В большинстве случаев подчеркивается их внутренний характер: дефицит собственных ресурсов, пассивность большинства членов диаспоры, малочисленность этнических групп,

сложность поддержания контактов с земляками, рассредоточенными по обширной территории области.

Заинтересованность региональных чиновников в поддержании регулярных контактов с представителями этнических меньшинств опрошенные эксперты связывают с тем, что такие контакты способствуют более успешному выполнению отдельных государственных функций в сфере регулирования межнациональных отношений. В их числе большинством респондентов были указаны следующие:

1) *мониторинг* ситуации внутри диаспор, в отношениях между отдельными диаспорами, а также между этническими меньшинствами и остальным населением как в регионе в целом, так и на уровне муниципальных образований;

2) *профилактика* межэтнических конфликтов: в ходе оперативного реагирования в связи с различными инцидентами представители исполнительной власти, правоохранительных органов и диаспор действуют согласованно;

3) *обратная связь* – оценка представителями этнических сообществ действий власти и выдвижение своих предложений и проектов;

4) взаимные *консультации*, в том числе в форме привлечения общественных активистов к обсуждению региональных законопроектов, проектов региональных государственных программ и т. п.

Отвечая на вопрос о наиболее распространенных и эффективных форматах взаимодействия с областной властью, респонденты обычно высказывали множество вариантов, которые были сгруппированы нами в несколько типов (таблица 2).

Респондентами особо подчеркивался тот факт, что в Архангельской области с 2006 года действует Совет национальностей – пример успешной общественной инициативы по созданию организационной структуры, опосредующей межэтническое взаимодействие.

В завершение анализа данных экспертного опроса хотелось бы рассмотреть еще один важный аспект межэтнических отношений – обобщенную характеристику акторов, претендующих на легитимное представительство этнических меньшинств. Почти все опрошенные эксперты так или иначе отмечают, что в пространстве публичной коммуникации «присутствуют» лишь

Таблица 2. Основные формы взаимодействия между этническими объединениями и органами власти Архангельской области

Типы форм взаимодействия	Примеры форм взаимодействия	Доля экспертов, указавших соответствующий вариант
Национальные и межнациональные мероприятия публичного характера	Ежегодный Северный межнациональный форум, «Большой круг», Сабантуй, Дни армянской культуры и др.	60%
Межнациональные общественные организации	Совет национальностей г. Архангельска и Архангельской области	87%
Совещательные и экспертно-консультативные органы	Общественная палата Архангельской области, Совет по межнациональным отношениям при губернаторе, общественные советы при правоохранительных органах	47%
Личное взаимодействие руководителей этнических объединений с представителями региональной политической элиты	Многосторонние встречи с участием губернатора области, глав муниципальных образований, областных министров, депутатов	67%

те этнические группы, которые располагают институтами агрегирования и артикуляции своих групповых интересов. В качестве таковых обычно выступают общественные объединения, имеющие, как правило, статус юридического лица, – национально-культурные автономии, землячества, этноконфессиональные организации и пр. Именно эти акторы присваивают себе функции публичной репрезентации мнений, пожеланий и требований со стороны отдельных этнических групп. Мобилизационные возможности таких объединений могут быть весьма высокими (в зависимости от численности этнического меньшинства, его территориальной рассредоточенности и степени сплоченности, социального капитала лидера организации – примерно от 1/10 до 1/3 от общего числа представителей конкретной национальности на территории области). Вместе с тем их деятельность в любом случае не «покрывает» большей части соответствующей этнической группы.

Инициатива создания этнических (этнокультурных) организаций, равно как и руководство ими – прерогатива людей с относительно высоким стату-

сом, имеющих значительные личные доходы, контролирующих определенные коммерческие структуры и обладающих солидным социальным капиталом. Эти лица в большинстве случаев проживают в регионе на протяжении длительного периода времени и практически полностью интегрированы в местное сообщество. Указанные характеристики позволяют им как минимум формировать устойчивые связи с региональной политической элитой либо персонально входить в ее состав (через депутатские мандаты разных уровней, членство в областных совещательных органах и т. п.). Руководство области, в свою очередь, рассматривает их в качестве лиц, пользующихся уважением и влиянием внутри диаспоры, а значит – способных играть роль своеобразных арбитров и выступать гарантами межэтнического согласия. В результате формируются сети взаимодействия между элитными группами этнических сообществ и региональной политической элитой, что позволяет осуществлять тесное взаимовыгодное сотрудничество, в том числе и при решении задач национальной политики. Следует отметить, что, как показывают исследования в других субъектах РФ [Русанов, Клинаев, Замогильный, Дикун, Санатин, 2012, 275-276], подобная тенденция характерна и для регионов, заметно отличающихся от Архангельской области по этническому составу населения и интенсивности иммиграции.

В связи с вышеописанным положением дел следует обратить внимание на те эффекты, которые потенциально могут затруднить реализацию задач государственной национальной политики в Архангельской области. Во-первых, формальные общественные объединения, являясь удобными для региональной власти партнерами с организационной точки зрения, все же не могут выступать достаточно надежными каналами коммуникации с основной массой любого сколько-нибудь многочисленного этнического меньшинства из-за его внутренней неоднородности и рассредоточенности по всей территории области. Во-вторых, из публичного диалога выпадают группы, неспособные в силу разных причин к самоорганизации (например, постепенно увеличивающиеся этнические группы узбеков и таджиков, сравнительно многочисленная группа чувашей). С нашей точки зрения, проблема «невключенности» таких этнических групп в мероприятия государственной национальной по-

литики не должна оставаться без внимания со стороны профильных органов власти.

Заключение

Моноэтнические регионы с низкими иммиграционными показателями, подобные Архангельской области, в целом отличаются высоким уровнем межэтнического согласия и толерантным отношением населения к этническим меньшинствам. Сами этнические меньшинства в таких регионах не являются значительными с демографической точки зрения, но могут играть заметную роль в местной экономике и оказывать влияние на политическую жизнь. В Архангельской области лидеры диаспор, руководители землячеств и национально-культурных автономий демонстрируют значительную заинтересованность в выстраивании устойчивых связей с политическим руководством области, поскольку это помогает им умножать свой символический и социальный капитал и, как следствие, решать задачи по воспроизводству родной культуры и этнических идентичностей в своих общинах. В свою очередь, представителями региональной власти они рассматриваются в качестве наиболее приемлемых партнеров в поле публичной коммуникации, что связано с наличием у последних значительных экономических и организационных ресурсов, а также лидерских качеств, инициативности и, как правило, личного авторитета в соответствующей этнической среде. Выстроенная к настоящему времени в Архангельской области система взаимодействия между этническими объединениями и органами власти позволяет, с одной стороны, оказывать этническим меньшинствам разнообразную по форме поддержку в том, что касается сохранения их культурной самобытности, а с другой – решать комплекс задач государственной национальной политики в регионе. Вместе с тем остается актуальной проблема политической эксклюзии слабоструктурированных диаспор. Игнорирование органами власти недостаточной вовлеченности в межнациональный диалог тех этнических групп, которые не имеют институтов публичной саморепрезентации, в будущем может снизить эффективность мер государственной национальной политики, включая те из них, которые направлены на профилактику межэтнических конфликтов.

Библиография

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Барт Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сборник статей. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
4. Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
5. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
6. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности УФМС России по Архангельской области на 2014 год и плановый период 2015–2017 годы. URL: <http://www.29.fms.gov.ru/about/Pokazateli>
7. Иммиграция в Россию: благо или вред для страны? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114322>
8. Красовицкая Т.Ю., Тишков В.А. (ред.) Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
9. Мазурина Н.Г. Межнациональные отношения в условиях полиэтничного мегаполиса (на материалах г. Москвы): автореферат дис. ... канд. соц. наук. М., 2008. 30 с.
10. Межнациональные отношения в России: мониторинг. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114690>
11. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.
12. О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»: По-

- становление Правительства РФ от 20.08.2013 № 718 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 35. Ст. 4509.
13. Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 3010.
 14. Русанов В.А., Клинаев Ю.В., Замогильный С.И., Дикун Н.А. Санатин В.П. Культура и политика в процессе гармонизации межэтнических отношений // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2012. № 4. С. 268-276.
 15. Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1996. 38 с.
 16. Файзуллин Ф.С. Этнический статус и этнические интересы как факторы, определяющие национальную политику в регионе // Проблемы востоковедения. 2012. № 2. С. 16-21.
 17. Чарина А.М. Этнический фактор в развитии региональных политических элит: на примере «финно-угорских регионов» Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2012. 23 с.

**The state ethnic policy in a mono-ethnic region:
the model of interaction with ethnic minorities
(as exemplified by the Arkhangelsk region)**

Anton M. Maksimov

PhD in Politics, Associate Professor,
Department of humanities and social disciplines,
Institute of Management (Arkhangelsk),
163060, 43 Uritskogo st., Arkhangelsk, Russian Federation;
e-mail: amm15nov@yandex.ru

Abstract

The article deals with problems relating to interaction between regional authorities and public associations representing ethnic minorities' interests in contemporary Russia. The author of the article examines the subjects and forms of such interaction using the Arkhangelsk region as an example. As a result of the expert survey conducted by the author, the problems which are solved by actors involved in these processes have been identified. The author concludes that the authorities cooperate with ethnic minorities for monitoring and prevention of ethnic conflicts and also for getting feedback. Diaspora leaders increase their social capital and use it for activities aimed at preserving the native culture and reproduction of ethnic identity. They are able to influence the content and forms of the ethnic policy in the region through participation in activities of the consultative and deliberative bodies, as well as through personal contacts with the regional and local authorities. The leaders and activists of the ethnic community organizations got a de facto monopoly on legitimate representation of minorities in the region. Therefore, the interests of ethnic groups that do not have explicit leaders and formal organizational structures are not represented in the relations with the authorities. According to the author, this will be a potential source of interethnic tensions in the region.

For citation

Maksimov A.M. (2016) Gosudarstvennaya natsional'naya politika v monoetnicheskom regione: model' vzaimodeistviya s etnicheskimi men'shinstvami (na primere Arkhangel'skoi oblasti) [The state ethnic policy in a mono-ethnic region: the model of interaction with ethnic minorities (as exemplified by the Arkhangelsk region)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 1, pp. 153-171.

Keywords

Ethnic policy, ethnic minorities, diaspora, regional authorities, mono-ethnic region.

References

1. Anderson B. (1983) *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso. (Russ. ed.: Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye*

- soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma.* Moscow: Kanon-Press-Ts Publ.; Kuchkovo pole Publ.)
2. Barth F. (ed.) (1969). *Ethnic groups and boundaries.* Oslo: Universitetsforlaget. (Russ. ed.: Bart F. (ed.) (2006) *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii.* Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.)
 3. Brubaker R. (2004) *Ethnicity without groups.* Cambridge, MA: Harvard University Press. (Russ. ed.: Brubeiker R. (2012) *Etnichnost' bez grupp.* Moscow: Higher School of Economics).
 4. Charina A.M. (2012) *Etnicheskii faktor v razvitii regional'nykh politicheskikh elit: na primere "finno-ugorskikh regionov" Rossiiskoi Federatsii. Dokt. Diss. Absract* [The ethnic factor in the development of regional political elites: as exemplified by the "Finno-Ugric regions" of the Russian Federation. Doct. Diss. Absract]. Saratov.
 5. *Doklad o rezul'tatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti UFMS Rossii po Arkhangel'skoi oblasti na 2014 god i planovyi period 2015–2017 gody* [The report on the results and main activities of the Federal Migration Service of Russia in the Arkhangelsk region for 2014 and the planning period of 2015–2017] (2015). Available at: <http://www.29.fms.gov.ru/about/Pokazateli> [Accessed 25/12/15].
 6. Faizullin F.S. (2012) Etnicheskii status i etnicheskie interesy kak faktory, opredelyayushchie natsional'nuyu politiku v regione [Ethnic status and ethnic interests as factors determining the ethnic policy in the region]. *Problemy vostokovedeniya* [The problems of Oriental studies], 2, pp. 16-21.
 7. Gellner E. (1983) *Nations and nationalism.* Oxford: Basil Blackwell. (Russ. ed.: Gellner E. (1991) *Natsii i natsionalizm.* Moscow: Progress Publ.)
 8. *Immigratsiya v Rossiyu: blago ili vred dlya strany?* [Migration to Russia: benefit or harm to the country?] (2013). Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114322> [Accessed 09/11/15].
 9. Krasovitskaya T.U., Tishkov V.A. (eds.) (2012) *Etnicheskii i religiozniy faktory v formirovanii i evolyutsii rossiiskogo gosudarstva* [Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state]. Moscow: Novyi khronograf Publ.

10. Mazurina N.G. (2008) *Mezhnatsional'nye otnosheniya v usloviyakh polietnicheskogo megapolisa (na materialakh g. Moskvy). Dokt. Diss. Abstract*. [Interethnic relations in a multi-ethnic metropolis (as exemplified by Moscow). Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
11. *Mezhnatsional'nye otnosheniya v Rossii: monitoring*. [Interethnic relations in Russia: monitoring] (2014). Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114690> [Accessed 02/09/15].
12. O federal'noi tselevoi programme "Ukreplenie edinstva rossiiskoi natsii i etnokul'turnoe razvitiye narodov Rossii (2014-2020 gody)": Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20.08.2013 № 718 [On the federal target program "Consolidation the unity of the Russian nation and the ethnic and cultural development of the peoples of Russia (2014-2020)": Decree of the Russian Government No. 718 of August 20, 2013] (2013). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4509)], 35.
13. O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 [On the Strategy for the state ethnic policy of the Russian Federation for the period till 2025: Order of the President of the Russian Federation No. 1666 of December 19, 2012] (2012). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 7477)], 52.
14. Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 15.06.1996 № 909. [On approval of the Concept of the state ethnic policy of the Russian Federation: Order of the President of the Russian Federation No. 909 of June 15, 1996] (1996). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 3010)], 25.
15. Rusanov V.A., Klinaev Yu.V., Zamogil'nyi S.I., Dikun N.A. Sanatin V.P. (2012) Kul'tura i politika v protsesse garmonizatsii mezhetnicheskikh otnoshenii [Culture and policy in the process of harmonization of interethnic relations]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Technical University], 4, pp. 268-276.

-
16. Tishkov V.A. (1996) *Kontseptual'naya evolyutsiya natsional'noi politiki v Rossii* [Conceptual evolution of the ethnic policy in Russia]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.
 17. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda. T. 4. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo* [The Russian Population Census of 2010. Vol. 4: The ethnic structure and language skills, citizenship] (2010). Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm [Accessed 06/10/15].